

Глава 19. Живопись в Императорском саду

На следующий день Линь Лан, как и уговаривались накануне, поехал к усадьбе пятого принца за Ту Ли и Ту Сином. Когда экипаж уже приближался к дворцовым воротам, он приоткрыл занавеску и заметил вдали старого господина Се — тот стоял у самого входа и с кем-то беседовал.

— А-Лан, куда ты так всматриваешься? — спросил Ту Ли.

Линь Лан опустил занавеску:

— Кажется, там старый учитель. Не разберу только, с кем он говорит.

— Да какая разница? — Ту Син с легким щелчком раскрыл веер. — Старик наверняка опять кого-то распекает. Может, сделаем вид, будто ничего не заметили, и проедем мимо?

Ту Ли смерил его презрительным взглядом:

— Головой-то подумай. Если мы сейчас так просто проедем, неужто старый господин нас не признает?

И то верно: в этот утренний час к воротам съезжались разве что ученики, спешащие на занятия в Императорский кабинет, да и сами эти ворота вели прямоком туда. К тому же экипаж семьи Линь с его приметным гербом трудно было не узнать. Старый господин Се, всю жизнь отдавший книжной премудрости и до тонкостей знавший придворные порядки, мигом бы сообразил: если в повозке чиновника третьего ранга кто-то смеет миновать ворота, не соизволив сойти на землю, внутри сидит вовсе не один Линь Лан, а непременно принцы или императорские внуки.

— Пожалуй, лучше нам выйти, — улыбнулся Линь Лан.

Спутники не стали спорить. Линь Лан приподнял голос и крикнул кучеру:

— Линь Янь! Будешь проезжать мимо старого учителя — придержи лошадей. Не обгоняй его.

Снаружи донеслось согласное «слушаюсь», и вскоре колеса зашуршали тише, а затем и вовсе замерли. Спрыгнув на землю, молодые люди увидели, что рядом с господином Се стоят Ван Шанпинь и Хэ Цинъянь. Подойдя ближе, они почтительно склонились в поклоне:

— Приветствуем вас, почтенный учитель.

Старый господин Се благосклонно кивнул и, огладив бороду, спросил:

— И откуда же вы держите путь в столь ранний час?

Они выпрямились. Не успели принцы и рта раскрыть, как Линь Лан со спокойной улыбкой ответил:

— Докладываю учителю: вчерашний вечер мы провели в Тереме Изумрудных Облаков. Поскольку вернулись мы поздно, когда дворцовые ворота уже заперли на засов, тринадцатый и четырнадцатый принцы остались ночевать в усадьбе пятого принца.

Ту Ли изумленно уставился на Линь Лана. Ту Син, почуяв неладное, поспешил вставить:

— Мы ничего предосудительного не совершали! Зашли исключительно из любопытства. Покорнейше просим почтенного учителя не гневаться на нас.

Учитель лишь усмехнулся в усы:

— Юности свойственно увлекаться прекрасным, таков естественный ход вещей. За что мне вас журить? К тому же, как говаривали древние, «вкус и плотское влечение — сама природа человека».

Все согласно закивали, а старик продолжил:

— Но раз уж вы вчера побывали в Тереме Изумрудных Облаков, то сегодня я, пожалуй, испытаю ваш разум.

— Испытайте нас, учитель, — отозвался Ту Ли.

Старый господин Се зашагал вперед, увлекая их за собой, и заговорил на ходу:

— Каждому ведомы четыре великие радости в жизни человека: «дождь после долгой засухи», «встреча со старым другом на чужбине», «имя в золотом списке сдавших экзамены» и «брачная ночь при свечах». Последние два вам пока не грозят, так что обратимся к первым двум. Добавьте к каждой из первых двух фраз всего по два иероглифа так, чтобы великое счастье обернулось горьким несчастьем.

— А добавлять можно в любое место? В начало, середину или конец? — спросил Ту Син.

Старик кивнул. Все погрузились в раздумья. Вскоре Ту Ли оживился:

— Учитель, я придумал! «После тысячи лет засухи — дождь» и «За десять тысяч ли на чужбине — встретить старого друга».

— И как ты это объяснишь? — любопытствовал наставник.

Ту Ли с улыбкой пояснил:

— Если засуха длилась целую тысячу лет, все живое давно погибло. Какой тогда прок в запоздалом дожде? А если человеку пришлось уйти за десять тысяч ли, значит, жизнь его сурово потрепала и он вынужден скитаться на чужбине. Встретить в таком сиротском положении земляка — лишь растравить душу воспоминаниями о доме. Достаточно ли это убедительно?

— Смысл в этом есть, — протянул старик, — но все же слабовато. Ну а ты, Линь Лан?

Линь Лан вежливо сложил ладони:

— Кое-что пришло мне на ум, но судить вам, учитель.

— Уж если А-Лан что-то придумал, это точно будет изящнее, чем у тебя, брат! — хохотнул Ту Син, глядя на Ту Ли.

Ту Ли сердито фыркнул:

— Это Линь Лан придумал, а не ты. Чего сам-то хорохоришься?

Старый господин Се предостерегающе кашлянул, призывая к порядку. Линь Лан продолжил:

— «Дождь после долгой засухи — капля». «Встреча со старым другом на чужбине — кредитор».

Старик добродушно рассмеялся:

— А ведь действительно вышло куда точнее и острее.

— Ну вот, я же говорил! — победно воскликнул Ту Син. — Наш А-Лан способнее всех! Теперь-то ты признаешь поражение?

— Перед ним я преклоняюсь, — ничуть не смутился Ту Ли, — но то, что я оказался сообразительнее тебя хотя бы на ничтожную малость, меня вполне устраивает.

Все дружно рассмеялись, но старый учитель строго пресек их веселье:

— Полно! Лицам императорской крови не пристало вести себя подобно уличным задирам. Эти препирательства совершенно недопустимы!

Принцы тут же притихли и виновато поклонились:

— Учитель прав, мы оступились и впредь будем сдержаннее.

Разговор затих, и над дорожкой повисла неловкая тишина. Линь Лан, заметив, что они идут вовсе не к Императорскому кабинету, решил разрядить обстановку и спросил:

— Учитель, а куда мы держим путь?

— В Императорский сад, — ответил старик. — Сегодня стоит чудесная прохлада, на дворе золотой девятый месяц, так зачем же вам томиться в четырех стенах? Полюбуйтесь ранними хризантемами, а заодно займемся живописью и сложением стихов.

— Разве этим уроком должен руководить не Линъюнь-цзы? — удивился Линь Лан.

— Верно, твой наставник, — согласился старый учитель. — Я лишь провожаю вас, да и сам не прочь взглянуть на цветы.

Линь Лан почтительно промолчал, и все с облегчением пошли следом за стариком. Вскоре они вошли под сень Императорского сада и заметили Линъюнь-цзы, который неспешно пил чай в резной беседке. Завидев гостей, тот поднялся навстречу и с поклоном произнес:

— Благодарю вас, почтенный Се, что привели моих учеников.

— Пустяки, мне было по пути, — отмахнулся старик. — Это мне стоит благодарить тебя за то, что позволишь отведать твоего чаю да полакомиться сладостями.

— Почту за честь угостить вас, — улыбнулся Линъюнь-цзы и жестом пригласил коллегу к столу. — Прошу вас, присаживайтесь. А вы, молодые люди, ступайте за мной. Столы для вас уже приготовлены.

Линь Лан и остальные поспешили следом. Пройдя в глубь сада, они остановились перед аккуратно расставленными мольбертами.

— Посмотрите на эти хризантемы, — обратился к ним Линъюнь-цзы, когда каждый занял свое место. — Ваша сегодняшняя задача — запечатлеть их на свитке и сочинить стихотворение,

воспевающее раннюю осень.

Ученики согласно поклонились и разошлись по дорожкам в поисках лучшего вида, а наставники вернулись в беседку, чтобы за чашкой ароматного чая продолжить неторопливую беседу.

Убедившись, что учителя увлечены разговором, Ту Ли тихонько подобрался к Линь Лану и хлопнул его по плечу. Он лишь слегка передернул плечами, сбрасывая его ладонь, и недовольно прошептал:

— Чего тебе? Вместо того чтобы выискивать лучшие цветы, ты бездельничаешь. Как перед наставником отчитываться будешь?

— С этим успеется, — отмахнулся Ту Ли. — Ты мне лучше скажи, зачем выболтал старику, что мы вчера в веселый квартал ходили?

— Думаю, в некоторых вещах твой брат прав, — усмехнулся Линь Лан.

— Эй! Я к тебе со всей душой, как к брату, а ты спелся с этим занудой? — возмутился Ту Ли.

Линь Лан покачал головой:

— Он вообще-то твой родной брат. К тому же вспомни наш первый день знакомства. Каким ты тогда важным да гордым ходил! Я тебе поклонился, а ты едва удостоил меня легким кивком. Не прознай ты позже, что я умею подделывать чужие почерки, разве мы стали бы так близки?

— Побойся неба! — всполошился Ту Ли. — Я же просил тебя о помощи лишь изредка, вовсе не каждый день! И вообще, не увиливай от ответа. Из-за твоей болтливости мы все под ударом. Если старый учитель решит нас наказать, как искупать вину думаешь?

— Ну да, всего-то раз пять за пару месяцев, сущая мелочь, — иронично вздохнул Линь Лан. — Можешь не переживать. Если наставник не разгневался сразу, то и потом карать не станет. Так что успокойся и ступай рисовать, не мешай мне работать.

К ним неспешно подошел Ван Шанпинь:

— О чем вы тут так увлеченно шепчетесь?

— Выясняю, с какой радости этот болтун выложил учителю всю правду о нашей вчерашней прогулке, — буркнул Ту Ли.

Линь Лан перевел взгляд на Ван Шанпиня:

— Старый господин Се наверняка встретил вас двоих у самых ворот, и вы пошли вместе? Он ведь спросил, где вы провели вечер, и вы во всем признались?

Ван Шанпинь изумленно округлил глаза:

— Как ты догадался?

— Что вы шли вместе — я видел собственными глазами, а об остальном нетрудно догадаться, — вздохнул Линь Лан. — Ты-то держался вполне уверенно, а вот у Хэ Цинъяня уши так и полыхали пунцовым цветом. С чего бы ему так смущаться, если не из-за вчерашнего похода в веселый квартал?

Ту Ли понимающе кивнул, а Ван Шанпинь не удержался от смешка:

— Все верно. Когда старый учитель завел об этом речь, я еще раздумывал, как бы покрасивее соврать, но Цинъянь со страху сразу во всем повинился. Тогда почтенный Се решил проверить вас: совпадут ли ответы. Сказал, коли кто соврет — накажет всех разом, а коли признаетесь честно — простит на первый раз.

— Вы трое! — зычно окликнул их из беседки Линъюнь-цзы. — Чем заняты? Или кисти сами за вас рисовать станут?

Переглянувшись, Линь Лан звонко ответил:

— Мы спорим о композиции будущей картины, наставник! Уже все решили.

С этими словами приятели поспешно разошлись в разные стороны, усердно делая вид, будто всецело поглощены созерцанием цветов. Наставник лишь качнул головой и не стал их более донимать.

Минул час. Свитки были расписаны, стихи сложены, и Линъюнь-цзы пригласил старого коллегу взглянуть на труды учеников. В живописи Линь Лан неоспоримо превзошел остальных — его мазок дышал редкой живостью и изяществом. А вот когда дело дошло до каллиграфии и поэзии, он не выдержал и вскипел:

— Линь Лан! Это еще что за безобразие? Мало того что ты стащил чужие стихи, так даже единого знака не потрудились изменить!

Линь Лан покорно шагнул вперед и с обезоруживающей улыбкой проговорил:

— Наставник, выслушайте своего ученика. Вы ведь прекрасно знаете, что мои собственные вирши годятся разве что для потехи простолюдинам. Посудите сами: разве приличествует марать столь изящную картину дрянными стишками? Это лишь испортило бы всю гармонию!

Ту Син не сдержался и прыснул со смеху. Линь Лан бросил на него быстрый взгляд, но тут же вновь умильно воззрился на учителя. Линъюнь-цзы, не в силах выносить это шутовство, повернулся к коллеге:

— Почтенный Се, что вы об этом думаете?

Старый учитель погладил бороду, пряча усмешку:

— Сказать по правде, кабы Линь Лан начертил здесь свои обычные каракули, они бы действительно погубили столь тонкую работу. Однако у нас сегодня урок, и заимствовать чужое — дело негодное. Впрочем, портить картину стихами необязательно: пускай он напишет свое собственное сочинение на отдельном листе бумаги.

Линь Лан мысленно простонал — эти бесконечные «однако» да «впрочем» из уст старого начетчика изрядно потрепали ему нервы. Подобное ожидание пугало сильнее самой кары: словно над шеей занесли тяжелый клинок, но медлят его опустить.

Тем временем Линъюнь-цзы почтительно кивнул:

— Ваша правда, почтенный Се.

И тут же впери в ученика строгий, оценивающий взор.

По спине Линь Лана пробежал холодок.

— Благодарю за мудрое наставление, учитель Се! Я немедленно все исполню! — поспешно протараторил он и, не дожидаясь, пока Линъюнь-цзы его остановит, юркнул прочь к своему столу.

Глядя ему вслед, Линъюнь-цзы лишь раздосадованно фыркнул и негромко пробормотал:

— Вроде бы от одних отца и матери родились, а какая пропасть между ними...

— О какой пропасти ты толкуешь? — любопытствовал старый господин Се.

— Да о младшей сестре Линь Лана, — пояснил Линъюнь-цзы. — Девица, казалось бы, а умом и талантом превосходит брата во сто крат. Какое там стихосложение! Десяток таких, как Линь

Лан, не стоят одного ее мизинца.

— Неужели и впрямь столь одарена? — удивился Ту Син.

Ту Ли незаметно дернул брата за рукав. Тот спохватился, сообразив, что расспрашивать постороннего мужчину о молодой незамужней барышне из приличной семьи крайне неблагопристойно. Линъюнь-цзы тоже вовремя прикусил язык, лишь молча кивнув, а затем поспешил сменить тему:

— Давайте лучше погадаем, какую нелепицу наш сочинитель выдаст на этот раз?

Линь Лан издалека слышал, как наставник безжалостно распекает его способности, и мысленно вздыхал: «Вот уж истинно родная душа!» В голове не рождалось ни одной приличной строчки, на душе скребли кошки, и от досады он снова принялся бесцельно бродить среди клумб.

Вглядываясь в пышные бутоны и силясь поймать ускользающую рифму, он совсем позабыл, где находится. Ноги сами несли его вперед по узкой, вымощенной камнем дорожке. Линъюнь-цзы и остальные решили, что юноша просто ищет вдохновения у дальних цветов, и не стали его окликать, вернувшись к своим разговорам. Так, шаг за шагом, погруженный в думы Линь Лан забрел в самую глубь Императорского сада.

<http://bllate.org/book/18219/1758308>